

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. Григорьев, А. Курдин

Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России*

Институт частной собственности существует в России уже почти 25 лет, однако легитимность сложившихся за это время прав частной собственности, как и легитимность самого института, остается под сомнением. Несмотря на смену поколений и повышение жизненных стандартов, многие социологические замеры показывают, что большая часть населения России до сих пор негативно относится не только к приватизации 1990-х годов и ее итогам, но и к частной собственности как таковой. Оптимистические прогнозы относительно адаптации людей к новым реалиям не сбываются. Авторы анализируют причины и последствия нелегитимности прав частной собственности в настоящее время, сравнивают различные инструменты их легитимации и приходят к выводу о нецелесообразности дискреционного вмешательства в этот затянувшийся процесс и предпочтительности акцента на снижение неравенства и обеспечение функционирования формальных институтов без исключений и привилегий.

Ключевые слова: защита прав собственности, частная собственность, легитимность.

JEL: P14, P26.

В современной науке и экономической политике значимость прав собственности и их защиты для экономического развития страны не подвергается сомнению. Но сейчас, когда мы осмысливаем итоги 25-летней трансформации российской экономики, остаются важные вопросы для анализа (Дуткевич и др., 2015). В широком смысле они

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный профессор, руководитель Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ (Москва);
Курдин Александр Александрович, к. э. н., доцент Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, замзавкафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва).

* Авторы благодарят С. Караганова, Р. Капелюшникову, Б. Кузнецова, А. Лихачеву, И. Макарова, Л. Овчарову, И. Поминову, Т. Радченко, А. Салмину и А. Шаститко за обсуждение идей, положенных в основу этой статьи, в ходе круглого стола, состоявшегося в апреле 2013 г. в НИУ ВШЭ. Материалы этого обсуждения были опубликованы в: Grigoryev, Kurdin, 2013. При подготовке статьи использовались статистические материалы, собранные А. Салминой. Авторы также выражают признательность анонимному рецензенту за полезные замечания.

включают оценку «глубины и остроты» проблемы неустойчивости прав собственности, а также характер воздействия этой неустойчивости на социально-экономическое развитие.

Предмет исследования нашей работы — один из фундаментальных аспектов защиты прав собственности, актуальный именно для России: нелегитимность крупной частной собственности, то есть слабость или отсутствие неформальных институтов защиты прав на нее в отношении крупных частных собственников. С точки зрения экономической науки и практики применительно к этой ситуации нужно рассматривать следующие проблемы:

— сохраняется ли нелегитимность крупной частной собственности или по мере смены поколений и преодоления новых кризисов она исчезает;

— какие издержки для российского общества несет сегодня нелегитимность крупной частной собственности;

— какие институциональные альтернативы остаются актуальными для решения проблемы нелегитимности такой собственности?

При анализе этих проблем, прежде всего последней, особого внимания заслуживают два фактора. Во-первых, социальное неравенство при сложной ситуации с собственностью и корпоративным контролем. Во-вторых, поведение элит, которые откладывают решение этой проблемы, оттягивая возможности инвестиционного подъема. Решение макроэкономических и социальных проблем, вопросов организации управления и финансов в большой степени зависит от того, как «работает» собственность в рамках государственного и частного бизнеса, определяя превращение национальных сбережений в новые производительные, инфраструктурные и человеческие активы.

Незащищенность прав собственности в России: современные характеристики

Основным источником развития экономики и общества выступает стремление людей повысить свое благосостояние. Высокий риск вынужденной потери дохода или имущества снижает или даже отменяет стимулы к труду, предпринимательству и инвестициям, что в итоге приводит к экономической стагнации. В данном случае проблема связана даже не с режимом или формой собственности — государственной или частной, а со степенью ее защищенности.

И в мировой, и в российской истории было немало примеров подобных ситуаций. Они наблюдались в России в ходе трансформаций экономической системы в XX в., включая и революции начала века, и преобразования 1920-х и 1930-х, и реформы 1990-х годов. Прежде всего это периоды *слабости* государства, в том числе во время восстаний, гражданских войн, коренных политических преобразований. Заметим, что периоды *усиления* институтов государственной власти также могут характеризоваться слабой защитой прав собственности. Экономическому агенту все равно, откуда исходит риск экспроприации его имущества. В связи с этим для него представляет одинаково

вую опасность как слабость государства, так и его сила в отсутствие верховенства права. Сильное неправовое государство ослабляет рыночную экономику; сильное правовое государство поддерживает ее, в чем и состоит его роль.

Один из ярких примеров в российской истории — опричнина Ивана Грозного. В. Кобрин указывает, что после начала периода опричнины, в 1570–1580-е годы, от 50 до 90% русских пахотных земель оказались в запустении. Частично это можно списать на эпидемии, частично — на налоговый гнет (также ставший следствием опричнины), но, как подчеркивает историк, сама опричнина имела ключевое значение: «И все же роль опричнины в запустении была исключительно велика. Материал для суждений об этом дают нам книги „обысков“, расследований о причинах запустения тех или иных сел и деревень Новгородской земли. В некоторых случаях причиной гибели или бегства крестьян называют „немцев“ — шведские войска, вторгшиеся в ходе Ливонской войны на часть территории Новгородской земли. Но куда больше записей такого рода: „...опричтинные на правежи замучили, дети з голоду примерли“, „опричнина живот пограбелли, а скотину засекали, а сам умер, дети безвесно збежали“, „опричтинные замучили, живот пограбелли, дом сожгли“» (Кобрин, 1989. Гл. II).

Основные проблемы для стимулов экономических агентов порождает не только объективная ситуация, но и *восприятие* незащищенности прав собственности, которое может не вполне корректно отражать действительность, но оказывать решающее влияние на поведение агентов. Результаты опросов, отражающих оценку защищенности прав собственности, свидетельствуют, что большого прогресса в этом отношении России достичь пока не удалось.

Так, в соответствии с ежегодным опросом Всемирного экономического форума (ВЭФ), проводимым среди руководителей российских предприятий, Россия и в середине 2000-х годов была неблагоприятной страной: несмотря на улучшение ситуации в 2013 и 2014 гг., по оценке защиты прав собственности она оказалась на 122-м месте в мире из 140 стран по итогам обследования 2015 г. (Schwab, 2015) (см. рис.). Результаты других зарубежных исследований — 3,9 балла по 10-балльной шкале и 124-е место в мире по защите прав собственности от Института Фрейзера (из 148 стран, для которых проводилась оценка) по итогам последнего обследования (2013 г.)¹, а также 138-е место из 181 страны в 2015 г. по оценке защиты прав собственности от Heritage Foundation², — в целом также подтверждают оценки ВЭФ.

Это точка зрения скорее предпринимателей/руководителей или внешних наблюдателей. Точка зрения граждан России не столь однозначна: согласно опросу ФОМ от 27 марта 2013 г.³, 19% опрошенных сочли защиту права «на неприкосновенность собственности и жилища» хорошей, 21 — плохой, 49% — удовлетворительной. Но учтем, что в такой формулировке вопроса речь идет, по сути, о защите от физических посягательств на собственность.

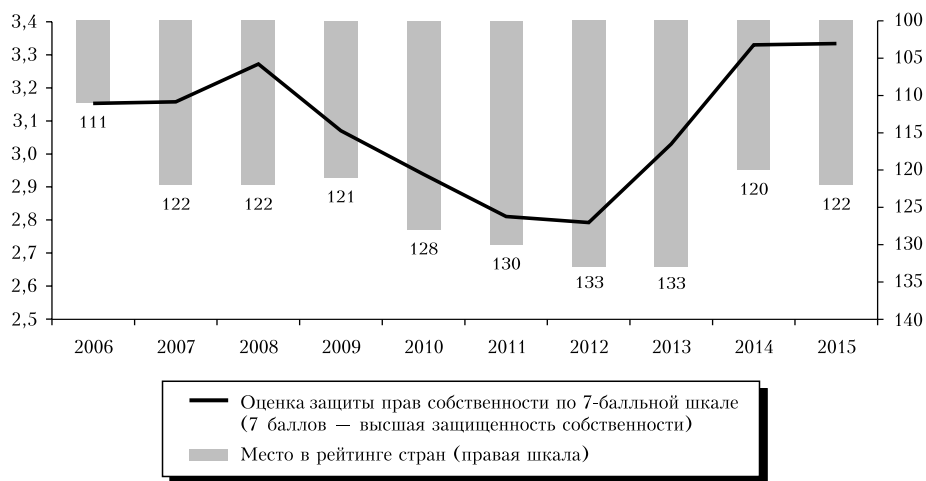
Удовлетворительная защита собственности от физических посягательств — важный элемент нормального климата в обществе. В этом плане — в направлении прекращения «беспредельной» борьбы за активы, как мелкие, так и крупные, — в 2000-е годы было достигнуто

¹ <http://www.freetheworld.com/2015/economic-freedom-of-the-world-2015-dataset.xlsx>.

² <http://www.heritage.org/index/explore>.

³ <http://fom.ru/obshchestvo/10873>.

Оценка уровня защиты прав собственности в России по итогам ежегодных опросов ВЭФ среди российских руководителей предприятий: балл и место в рейтинге, 2006–2015 гг.

Источник: Всемирный экономический форум (www.weforum.org).

Рис.

немало успехов и, безусловно, Россию теперь нельзя ставить в один ряд с отсталыми странами.

Снизилось число преступлений против собственности, что связано как с повышением уровня жизни, так и с деятельностью правоохранительных органов. По данным Росстата, среднегодовое число краж в России после 2006 г. стало устойчиво снижаться, это относится и к грабёжам, разбоям, присвоениям и растратам (табл. 1). В итоге в начале 2010-х годов масштабы такой преступности существенно сократились по сравнению с уровнем 1990-х и 2000-х годов.

В то же время даже по официальным данным не видно прогресса в отношении коррупции. Остается высоким число мошенничеств, что можно объяснить не только переходом преступников от насилия к более сложным методам деятельности, но и высокой активностью правоохранительных органов по регистрации затруднительных для идентификации преступлений (по сравнению с кражами, грабёжами

Т а б л и ц а 1

Среднегодовое количество основных преступлений против собственности (тыс. ед.)

	1991–2000	2001–2010	2011–2014
Кража	1328,2	1306,8	965,6
Грабёж	136,8	237,6	101,9
Разбой	35,2	45,5	17,4
Присвоение и растрата	43,7*	59,8	29,2
Мошенничество	67,3**	152,0	158,6
Взяточничество	5,4**	10,2	11,0

Источник: Росстат (* данные с 1995 г., ** данные с 1992 г.).

или разбоями) в рамках уголовной репрессии в отношении предпринимателей. Этот процесс сам по себе представляет риск для защиты прав собственности.

Характер угроз правам собственности в 2000-е и 2010-е годы изменился, их защита все теснее связана с возможностью отстоять право собственности перед лицом правоохранительной и судебной системы, а не перед бандитами и грабителями. В этой области ситуация гораздо хуже: согласно результатам того же опроса ФОМ от 2013 г., лишь 6% опрошенных верят в соблюдение принципа равенства граждан перед законом и права на справедливый суд, то есть считают, что эти права защищены хорошо, еще 29% считают их защиту удовлетворительной и 56% — плохой. Таким образом, большинство населения приходит к выводу: свои законные права, в том числе права собственности, в правоохранительной и судебной системе России защитить нельзя.

С 2000 г. предпринимались попытки установить неформальные гарантии прав на крупную частную собственность с участием представителей государства и крупнейших бизнесменов (см.: Добреньков, Исправникова, 2013). Но эффективность этих гарантий подрывает высокая степень персонализации соответствующих отношений, что сильно ограничивает круг инвесторов.

Для российского случая достаточно простой логики. Никто не будет инвестировать, если есть шанс потерять доход. Никто не оставит капитал в опасной зоне, если есть угроза его потерять. Альтернативное решение — вывод страховочного капитала за рубеж, создание параллельного бизнеса. Малый и средний бизнес при таком раскладе будет создавать страховочные резервы вместо реинвестирования. Люди — человеческий капитал — выбирают эмиграцию как альтернативу. В нынешних российских реалиях вывоз капитала и/или эмиграция (по крайней мере, готовность к ней) как приобретение относительной независимости необходимы всем, кто обладает существенными активами, включая средний и даже малый бизнес, а также крупных менеджеров, а не только «олигархов» (Григорьев, 2012).

Высокие оценки риска экспроприации означают бесперспективность долгосрочных стратегий инвестирования. Отвлечение ренты сокращает накопление в стране, а угроза отъема капитала снижает горизонт планирования и инвестирования. Результатом становятся не только вывоз капитала, но и низкая норма накопления в стране, экспорт идей и людей. Не возникает больших частных фирм, малым и средним компаниям становится сложно делать следующий шаг, поскольку кредит дорог, а отвлечения на защиту собственности и скрытые платежи велики.

Вкладывать в долгосрочное развитие можно только бизнесу, аффилированному с государством или крупным чиновником. Но в наших условиях у него нет реального массового акционера (несмотря на наличие формальных), а значит, и контроля за менеджментом — таким компаниям можно тратить огромные деньги на спорт, СМИ, безопасность, не заботясь о реинвестировании, тем более — о вложениях в экономически эффективные долгосрочные проекты, в отличие от частных собственников. Подобный характер системы прав собственности порождает массу негативных побочных эффектов. Невозможность

(хотя бы кажущаяся) их законной защиты заставляет собственников либо задействовать коррупционные связи с теми же правоохранителями, только в личном порядке, либо обращаться к представителям организованной преступности, оплачивая услуги «крыши», а скорее всего — и к тому и к другому одновременно. Сохранение и распространение коррупции, организованной преступности, постоянная тревога за сохранность собственности неминуемо ведут к деградации моральных ценностей в обществе, утрате социального капитала.

Пути защиты прав собственности

Можно выделить три фундаментальных пути защиты прав собственности, которые могут как заменять, так и дополнять друг друга. Первый связан с *самостоятельной защитой прав собственности*. В простейшем случае это происходит за счет найма охранников и приобретения специальных технических средств. На практике «самостоятельная» защита прав собственности осуществляется посредством аффилирования с государством или иной организацией с высоким потенциалом насилия, то есть путем той же коррупции, когда часть прав на доход, контроль и управление предприятием передается соответствующему агенту, способному гарантировать права собственности. Такая ситуация, естественно, сильно варьирует по типам бизнеса и регионам, поскольку единой «альтернативной» системы защиты собственности бизнеса нет.

Бывают случаи, когда в условиях крайней слабости государства самостоятельная защита на уровне предприятия, города или в крайнем случае региона позволяет сохранить деловую активность. Но результативность ее крайне низкая из-за отсутствия эффекта масштаба: большое количество мелких систем безопасности (от собственной вооруженной охраны до поддержки отношений с местными властями, прокуратурой, полицией и т. п.) обходится предприятиям страны гораздо дороже, чем одна национальная система. Еще дороже одновременная уплата налогов в пользу национальной системы защиты прав собственности и «взносов» в фонд собственной теневой системы их защиты в рамках предприятия, города, региона. Страна не может позволить себе двойного бремени, поэтому роль самостоятельной защиты бизнеса должна быть минимизирована.

Второй путь — *защита собственности с помощью национальной правоохранительной и судебной системы*. Если в стране обеспечено верховенство права, то такая защита оказывается эффективной. В России до этого пока далеко, хотя некоторые предпосылки — в частности, приоритет федеральных норм над региональными (как правило) — активно создавались в 2000-е годы, что способствовало формированию единой национальной правовой системы. Другое дело, что и федеральные нормы, формальные или неформальные, далеко не всегда представляют собой образец верховенства права.

Наконец, третий путь — *защита прав собственности на основе неформальных институтов*, укоренившихся в обществе правил о недо-

пустимости нарушения прав собственности как в индивидуальном, так и в национальном масштабе⁴. Этот вариант неразрывно связан с *легитимностью прав собственности, то есть с наличием общественного признания их нынешнего распределения*. Уровень легитимности прав частной собственности, особенно крупной, в России весьма невысок, о чем ниже. Но этот путь связан с фундаментальными изменениями ценностей и поведения людей, то есть требует значительного времени.

Оптимальный механизм защиты прав собственности, вероятно, сочетание второго и третьего путей. В случае России, таким образом, требуются меры как по обеспечению верховенства права, так и по легитимации сложившихся прав собственности.

Можно также выделить три типа крупной собственности с весьма специфическими свойствами в части как форм защиты, так и форм поведения собственников: крупная государственная, крупная частная и иностранная собственность. Крупная государственная собственность имеет приоритет и защищается властями и судами, как в СССР. В целом ее защиту можно считать удовлетворительной, но есть риск не-явной приватизации части государственных активов менеджерами.

Крупная частная собственность, которая формировалась с начала 1990-х годов, в нашей стране защищена плохо, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, опиравшихся в своем развитии на малый и средний бизнес. Это обусловлено и неформальными нормами: скупка и «возврат государству» крупных активов воспринимаются и властями, и частью населения как успех в борьбе с олигархами, независимо от эффектов в качестве управления. Переход в государственное управление рассматривается как хозяйственный успех, хотя это, конечно, оборачивается другими потерями. Они связаны даже не столько с тем, что государственное управление нередко менее эффективно, чем частное, сколько с тем, что очередная смена собственности дает сигнал о продолжении передела активов. Если у широких слоев населения это может вызывать сочувствие как переход собственности от «менее симпатичных» олигархов к «более симпатичному» государству, то с точки зрения инвесторов более негативную рекламу положения в стране трудно придумать.

Иностранная собственность защищена «всемирно», то есть влиянием иностранных групп интересов. Отсюда карусели с реинвестициями российских капиталов и прибылей, прошедших через офшоры, в Россию: это повышает их внутреннюю защищенность. Но при возврате капитала из офшора в страну возникают высокие транзакционные издержки. Россия — единственная страна, в которой практически вся крупная частная собственность принадлежит офшорам. Отсюда готовность политической элиты вернуть бизнес «домой», чтобы легче контролировать собственность.

---

⁴ Вслед за Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгатом (2011) здесь можно проводить дополнительное методологическое разграничение между неформальными институтами, подразумевающими наличие принуждения к их соблюдению со стороны социальной группы, в которую включен тот или иной экономический агент, и разделяемыми убеждениями, к соблюдению которых и принуждать не требуется, поскольку агенты сами убеждены в правильности соответствующих норм. Но разработка этой проблематики выходит за рамки данной статьи.

Права собственности в России: фактор легитимности

В результате 25-летнего периода трансформации в рыночной экономике России не удалось создать устойчивую систему хорошо защищенной частной собственности. Права собственности основаны на системе формальных и неформальных институтов, действующих в обществе. Соответственно и защита этих прав базируется как на механизмах принуждения с использованием формальных институтов — полиции и судов, так и на механизмах принуждения неформального характера, действующих через отношение всех или большинства членов общества к нарушителям таких правил.

Как отмечают К. Хофф и Дж. Стиглиц, возобладавшие в России идеи шоковой терапии не имели под собой теоретической базы для оценки траектории сопутствующей институциональной эволюции в сфере прав собственности (Hoff, Stiglitz, 2004). В результате не была спрогнозирована ситуация недостаточного спроса на хорошую защиту прав собственности после приватизации со стороны самих новых собственников (которые претендовали на все новые приобретения), чем можно объяснить институциональную ловушку, в которую угодила Россия. Подобные результаты были получены и в других исследованиях начала 2000-х годов (см., например: Sonin, 2003; Black et al., 2000).

Вследствие этого Хофф и Стиглиц приходят даже к признанию ошибочности коузианского подхода (точнее, его ошибочной интерпретации) к приватизации, если интерпретировать его как стремление в первую очередь определить права собственности вместо создания политических условий для верховенства права (Hoff, Stiglitz, 2005). На наш взгляд, корректный коузианский подход следовало бы интерпретировать как раз в обратном смысле, а именно: с учетом достаточно высоких транзакционных издержек, с которыми связана спецификация прав собственности де-факто в переходной экономике, где отсутствует верховенство права, номинальная раздача прав собственности может не привести к эффективному размещению ресурсов. Следовало бы в первую очередь минимизировать транзакционные издержки за счет создания институциональной среды, где эти права собственности могли бы свободно обращаться без угрозы экспроприации со стороны агентов, обладающих высоким потенциалом насилия, или их непризнания значительной частью населения.

Впрочем, это различие в интерпретациях не противоречит основным выводам указанных авторов о важной роли легитимности прав собственности после приватизации: нелегитимные права собственности сохраняют элемент размытости даже при четкой формальной спецификации, их обращение связано с рисками для экономических агентов. И самое главное, государство не может обеспечить достоверность своих обязательств по защите этих прав, поскольку для этого надо либо изменить их распределение, либо обосновать сложившееся распределение прав перед обществом (Hoff, Stiglitz, 2005. P. 38). Перераспределение возвращает всех в точку ноль со всеми рисками. Переход общества к состоянию верховенства права (и закрепления фактического владения) означает необходимость «платить по счетам»

из-за нелегитимного приобретения прав собственности в предыдущем периоде и потому может быть отложен надолго (Hoff, Stiglitz, 2008).

Б. Байэс и Е. Перотти провели глубокий анализ приватизации в Чили, Великобритании, Франции и Чехословакии, но, к сожалению, российская приватизация оказалась за рамками исследования (Biais, Perotti, 2002). Это связано с тем, что его авторы рассматривали приватизацию как политический инструмент поддержки сторонников правительственных партий перед выборами в надежде на электоральный успех. Российскую приватизацию так рассматривать было бессмысленно, поскольку она не дала ничего демократическим слоям советского общества. Логика быстрой приватизации (спорная) была политическая. Но в 1990-е годы не было понимания того, что революция только в начале — вопрос о власти, а потом это вопрос о собственности.

В начале 2000-х годов вышел ряд работ, которые, однако, не составили прямую научную дискуссию, поскольку сторонники фактически сложившейся приватизации едко реагируют на критику, особенно на вопросы, связанные с эффективностью, проблемами корпоративного контроля и т. п. Среди российских исследований отметим описание приватизации в работе о трансформации собственности, изданной в начале 2000-х годов (Радыгин и др., 2001), а также многостороннее исследование, опубликованное в конце 2000-х (Тамбовцев, 2009), где в том числе были затронуты возможные решения проблемы легитимации частной собственности, которые мы рассмотрим далее.

В некоторых работах последнего времени были предложены острые, хотя порой довольно спорные, причины негативного отношения в обществе как к частной собственности вообще, так и к российской приватизации в частности. Например, П. Довер и А. Маркевич указали на важность негативного исторического опыта либеральных реформ дореволюционного периода (Dower, Markevich, 2014). А. Кузнецов и О. Кузнецова на базе обследования предприятий показали остроту проблемы легитимности частной собственности на основе подхода к корпоративной социальной ответственности в России: относительное пренебрежение к ней бизнеса — в отличие от стран Запада — объясняется тем, что в нашей стране для легитимации частного бизнеса не решены фундаментальные вопросы прав собственности (Kuznetsov, Kuznetsova, 2012). О социальной ответственности бизнеса в таких условиях говорить рано — инвестиции в нее все равно не окупятся.

Разумеется, нелегитимность прав собственности — не уникальная черта российской экономики и распространена во всех странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР, хотя ее характер различен. Как показано в исследовании И. Денисовой и др., основанном на данных Всемирного банка и ЕБРР 2006 г.⁵, из 28 стран Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР в каждой стране более половины населения считают сложившееся по результатам приватизации распределение прав собственности нелегитимным. По мнению опрошенных, необходимы ренационализация с последующей

⁵ EBRD. Life in Transition Survey I. <http://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>.

реприватизацией или без таковой, или, по крайней мере, «доплата» от новых собственников за приватизированные активы. В целом по всем 28 странам доля сторонников тех или иных мер по легитимации собственности несколько превышает 80%, в России показатель примерно такой же (Denisova et al., 2012).

Два вывода авторов исследования важны в контексте проблемы легитимации собственности. Во-первых, позиция респондентов относительно ее легитимности зависит от характеристик их занятости и человеческого капитала. К подобному выводу относительно роли человеческого капитала пришли и К. Кальтенталер с соавторами (Kaltenthaler et al., 2006). Следовательно, по мере адаптации рынка труда и общества в целом к новым реалиям (в том числе роста благосостояния и снижения неравенства) неприятие сложившегося распределения прав собственности может смягчиться. Впрочем, в предшествующей работе те же авторы отметили еще один существенный аспект проблемы: увеличение человеческого капитала способствует признанию приватизации только при высоком уровне развития демократии и верховенства права (Denisova et al., 2009).

Во-вторых, хотя свыше 80% респондентов в странах с переходной экономикой готовы оспаривать легитимность прав собственности, лишь менее 30% желали бы ренационализировать активы и оставить их в государственной собственности, следовательно, частная собственность как институт получила общественное признание (Denisova et al., 2012). Значит ли это, что переход ранее приватизированных активов к другим частным собственникам, осуществленный частным путем, автоматически решит проблему легитимности частной собственности? Не обязательно, потому что предложенные респондентам и принятые ими альтернативы национализации — дополнительный «легитимационный» налог или реприватизация — предполагали публичную процедуру легитимации.

С середины 2000-х годов в странах Восточной Европы и бывшего СССР, безусловно, могли произойти изменения; по данным обследований ЕБРР эту динамику сложно отследить, поскольку в рамках второй волны обследования в 2010 г. вопрос об отношении к приватизации отсутствовал, хотя некоторые выводы для России можно сделать и по другим вопросам⁶. Так, с 2006 по 2010 г. доля респондентов, предпочитающих сочетание рыночной экономики и демократического политического режима в стране, повысилась незначительно, с 19 до 21%, оставаясь существенно ниже показателей не только Западной Европы, но и других постсоциалистических стран⁷. Это позволяет предположить, что в России сохраняется скептическое отношение к институтам рыночной экономики, в том числе к частной собственности.

Актуальные социологические обследования в России свидетельствуют, что позитивные ожидания признания частной собственности в стране не оправдываются. Судя по результатам социологических исследований последнего времени, можно зафиксировать тревожный

⁶ Результаты планировавшейся ЕБРР третьей волны к концу 2015 г. еще не были обнародованы.

⁷ EBRD. Life in Transition. A survey of people's experiences and attitudes. EBRD, 2007; EBRD. Life in Transition. After the crisis. EBRD, 2011.

сигнал: права собственности для россиян по-прежнему не так важны, и выводы работ 2000-х годов сохраняют свою актуальность. Это касается прежде всего прав собственности как таковых, даже если социологи рассматривают сегодняшнее отношение к ним вне контекста приватизации 1990-х годов.

Согласно данным опроса ФОМ от 28 июля 2013 г., лишь для 35% граждан права «неприкосновенности собственности, жилища» входят в число «самых важных, значимых»⁸, занимая седьмое место среди других видов прав. Несколько более высокие показатели были зафиксированы Левада-Центром в ноябре 2014 г.: «Право владеть собственностью» включили в число «наиболее важных» прав человека 39% респондентов, этот ответ оказался на пятом месте (Левада-Центр, 2015. С. 118). Опрос ВЦИОМ от 12 декабря 2013 г., не апеллировавший к понятию «жилище» и исключивший таким образом аргументацию «мой дом — моя крепость», зато скорректировавший понятие прав собственности в сторону частной собственности предпринимателя, показал, что только для 16% респондентов «право частной собственности, предпринимательства» входит в число «наиболее важных для Вас лично»⁹. Это право не вошло в число десяти важнейших прав, закрепленных Конституцией РФ.

Если большинство (или даже подавляющее большинство) граждан не считают права собственности важными, то и ожидаемые издержки их нарушителей, порожденные неформальными механизмами принуждения («третий путь»), оцениваются как низкие. Естественно, повышается риск нарушения этих прав.

Отсутствие существенного прогресса в отношении граждан России к правам частной собственности за последние 10–15 лет хорошо заметно по результатам периодических опросов Левада-Центра об отношении к государственной и частной собственности и к экономической системе, в основе которой лежат рыночные отношения и частная собственность (табл. 2–3). Во всяком случае предположение о целесообразности частной собственности на крупные предприятия стабильно находит понимание только у 2–3% опрошенных, несмотря на изменения в структуре собственности крупных и крупнейших предприятий.

Данные таблиц 2 и 3 отражают высокую степень сомнений в эффективности частной собственности. Безусловно, реальная зависимость эффективности частных предприятий от первоначального распределения прав собственности не очевидна, хотя и существует — в условиях далеких от нуля трансакционных издержек. Влияние приватизации на изменение эффективности деятельности предприятий — не предмет этой статьи, но заметим, что оно было подробно исследовано в литературе (см., например: Parker, Saal, 2003) — более тщательно, чем проблемы легитимации приватизированной собственности.

Корни нынешней ситуации в России лежат в неудачном дизайне российской приватизации (Григорьев, 2010). Это косвенно подтверждается негативным отношением к ней, сохраняющимся до последнего времени (табл. 4–6). Казалось бы, смена ряда собственников, в том числе за счет продажи активов одиозных фигур периода приватизации, могла бы изменить отношение к частной собственности, однако этого не про-

⁸ <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11034>.

⁹ <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114640>.

Т а б л и ц а 2

**Результаты опроса населения РФ, вопрос:
«Какое из мнений о государственной собственности
в промышленности Вам ближе?» (% опрошенных)**

	Апрель 2002	Декабрь 2007	Январь 2009	Октябрь 2011	Июнь 2013
Все крупные предприятия должны принадлежать государству	51	46	50	49	45
Самые важные для страны предприятия должны принадлежать государству, а остальные могут находиться в частных руках	43	46	41	42	48
Все крупные предприятия должны находиться в частных руках	3	2	3	2	3
Затрудняюсь ответить	4	6	6	6	4

Источник: Левада-Центр, 2014. С. 149.

Т а б л и ц а 3

**Результаты опроса населения РФ, вопрос: «Какая экономическая
система кажется Вам более правильной: та, которая основана
на государственном планировании и распределении, или та,
в основе которой лежат частная собственность
и рыночные отношения?» (% опрошенных)**

	Ноябрь 2006	Февраль 2008	Март 2010	Январь 2012	Январь 2013	Январь 2014	Март 2015
Та, которая основана на государственном планировании и распределении	55	51	57	49	51	54	55
Та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения	31	31	30	36	29	29	27
Затрудняюсь ответить	14	18	14	15	20	17	19

Источник: Левада-Центр (<http://www.levada.ru/old/26-03-2015/grazhdane-gosudarstvo-i-vlast>).

Т а б л и ц а 4

**Результаты опроса населения РФ, вопрос: «С какой из следующих
точек зрения по поводу приватизации 90-х годов Вы бы
скорее согласились?» (% опрошенных)**

	Июль 2005	Июль 2007	Октябрь 2011
Нужно вернуть государству всю собственность, которой оно лишилось в те годы	43	37	42
Это можно сделать только в отдельных случаях, если будет доказано, что приватизация была проведена незаконно	32	37	33
Этот вопрос вообще не стоит сейчас поднимать	17	15	17
Затрудняюсь ответить	8	11	9

Источник: Левада-Центр (<http://www.levada.ru/old/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti>).

Т а б л и ц а 5

Результаты опроса населения РФ, вопрос: «Как Вы думаете, пересмотр результатов приватизации 90-х годов пошел бы сейчас в целом на пользу или во вред экономике России?» (% опрошенных)

	2003	2008
Определенно на пользу	12	14
Скорее на пользу	35	28
Скорее во вред	25	23
Определенно во вред	6	6
Затрудняюсь ответить	22	29

Источник: ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10423>).

Т а б л и ц а 6

Результаты опроса населения РФ, вопрос: «С какой из следующих точек зрения по поводу пересмотра результатов приватизации 90-х годов Вы бы согласились?» (% опрошенных)

	2003	2008
Нужно вернуть государству всю собственность, которой оно лишилось в те годы	36	29
Это можно сделать только в отдельных случаях, если будет доказано, что приватизация была проведена незаконно	33	39
Этот вопрос вообще не стоит сейчас поднимать	20	21
Затрудняюсь ответить	11	11

Источник: ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10423>).

изошло, и в результате «добросовестные приобретатели» сталкиваются во многом с теми же проблемами, что и предшествующие владельцы¹⁰.

Результаты опросов населения свидетельствуют о том, что в 2003—2011 гг. от 68 до 75% населения допускали возможность пересмотра итогов приватизации, причем эта доля не демонстрировала выраженной тенденции к снижению (см. табл. 4 и 6). Несколько менее однозначным было отношение к пересмотру итогов приватизации с точки зрения эффектов для сегодняшней экономики, но и здесь ответы, говорящие скорее о положительных ожиданиях от пересмотра итогов приватизации, популярнее противоположных вариантов (см. табл. 5). Но эти результаты можно интерпретировать и в том смысле, что часть граждан готова пересматривать итоги приватизации, даже если они не уверены в положительном эффекте для национальной экономики.

Заметим: хотя доля приверженцев нелегитимности прав собственности в России соответствовала показателю других стран с переходной экономикой, наиболее популярным вариантом легитимации прав собственности в России стала ее ренационализация с последующим сохранением в руках государства, а не «доплата» за нелегитимно приватизированные активы, как по выборке стран в целом (Denisova et al., 2012). Причем данное отношение было отмечено не только в России, но и в других странах бывшего СССР, кроме стран Балтии, Белоруссии и Грузии.

¹⁰ Тем более что природа доходов и собственности «добросовестных приобретателей» также порой вызывает сомнения.

Это означает, что граждане ставят под сомнение процесс приватизации как таковой, а не только его результат — все удаляющуюся во времени передачу конкретных предприятий в руки конкретных собственников. Заметим, что попытка обложить одинаковым «налогом» разнородные фирмы спустя четверть века привела бы к тому, что добросовестные эффективные («стационарные») хозяева платили бы больше, чем откровенные спекулянты («грабители»). Вот почему проблемы легитимности приватизации актуальны в России даже после смены собственников активов и ряда разнонаправленных структурных изменений, имевших место на предприятиях после их приватизации.

С точки зрения легитимности частной собственности как неотъемлемой части рыночной экономики наиболее красноречивы данные таблицы 3: ответ на вопрос о предпочтительной экономической системе. Первый вариант — по сути, плановая экономика — традиционно лидирует, причем в течение 2000-х годов его доля стабильно составляла более половины, а преимущество над альтернативой было обычно не ниже 15 п. п. При более жесткой постановке вопроса результаты исследования общественного мнения оказываются еще негативнее для частной собственности, чем упомянутые выше (Denisova et al., 2012). В кризисный период 2009–2010 гг. доля сторонников государственной собственности ожидаемо увеличилась. В начале 2012 г., в период выхода из кризиса, до начала стагнационных явлений и во время выборной кампании этот разрыв сократился, соотношение между сторонниками государственной и частной собственности составило 49–36% (в пользу государственной). Но застой и спад, возможно, снова оказали воздействие: в начале 2013 г. ситуация изменилась и соотношение достигло 51–29%, а в марте 2015 г. — уже 55–27%.

Заслуживает внимания и результат опроса ВЦИОМ о справедливости распределения доходов, пусть не касающийся непосредственно вопросов собственности, но связанный с ней, поскольку доходы генерируются активами (табл. 7). В 2015 г. доля респондентов, считающих, что доходы распределены «скорее несправедливо» или «в основном несправедливо», даже несколько снизилась по сравнению с 1990 г., однако произошла радикализация этой группы, вследствие чего более половины опрошенных убеждены в системном характере проблемы: блага в России в основном распределяются несправедливо. Причем основной проблемой опрошенные считают не бедность уязвимых групп населения, а неоправданно высокие доходы богатых. Здесь заметен запрос общества на снижение неравенства, которое, в свою очередь, может послужить обоснованию справедливости распределения как благ, так и активов.

Таким образом, говорить о развитии процесса легитимации частной собственности в России как института, а значит, и прав конкретных частных собственников, в течение последних десяти лет сложно. «Простота и скорость» (ради борьбы с коммунизмом) раздачи прав собственности без обременений, особенно в отсутствие надежного корпоративного контроля, создали классическую ситуацию «успеха на час». Не были сформированы стратегические условия для долгосрочной стабильности отношений собственности: легитимности крупной частной собственности (больших советских активов), защиты нового

**Результаты опроса населения РФ о справедливости
распределения доходов (% опрошенных)**

	1990	2015
<i>Как Вы считаете, справедливо или нет у нас распределяются доходы, блага между людьми?</i>		
В основном справедливо	4	8
Скорее справедливо, чем несправедливо	4	11
Скорее несправедливо, чем справедливо	41	21
В основном несправедливо	43	56
Затрудняюсь ответить	8	4
<i>В чем Вы видите несправедливость распределения доходов? В том, что...</i>		
Некоторые группы людей получают неоправданно высокие доходы	15	40
Часть населения получает неоправданно низкие доходы: пенсионеры, инвалиды и т. д.	23	27
Многие получают нелегальные доходы, взятки	32	19
Господствует уравниловка: и трудолюбивые люди, и лодыри получают одинаково	23	7
Другое	–	3

Источник: ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>).

частного бизнеса, прав массового акционера крупного бизнеса, а также благоприятной среды для малого бизнеса. Отсюда и слабость биржи (с учетом негативного воздействия блокирующих пакетов), неразвитость облигационного рынка. Общий изначальный хаос и высокие нормы прибыли сменились давлением различных «агентов» и навязыванием «участия в прибылях». Бюджетная часть приватизации была провалена: стоимость содержания министерства приватизации для бюджета превышала доходы от нее. Сложившаяся в результате комбинация — дешево полученные огромные активы и ненадежность владения — вынудила удачливых новых собственников посвятить 20 лет защите своих прав и доходов через офшоры.

Как отмечает К. Грэм на основе изучения опыта ряда государств, «первым выводом является то, что приватизация — это долгосрочная программа, даже в таких странах, как Великобритания, имеющая смешанную экономику... Когда приватизационная программа реализуется в нерыночной экономике, такой как экономики стран Центральной и Восточной Европы, она, скорее всего, продлится еще дольше [чем период с 1982 по 1993 г. в Великобритании] и повлечет реформы в других сферах» (Graham, 2003). Экономия времени на приватизации в России в начале 1990-х годов оказалась лишь внешней, приведя к удлинению периода адаптации экономики и общества к возникшему распределению прав собственности.

Безусловно, причинами затянувшейся и сложной адаптации были не только продолжительность, но и особенности приватизации. Назовем в их числе несбалансированные возможности и права инсайдеров и аутсайдеров (Blanchard, Aghion, 1996), мажоритарных и миноритарных акционеров (La Porta et al., 2002), иных стейкхолдеров, а также другие факторы, обусловленные национальной спецификой и избранной моделью приватизации (Григорьев, 2005).

Трансформация прав собственности, как правило, связана со значительными издержками, дисбалансами и потерями. Это подтверждает масштабное исследование С. Джонса с соавторами (Jones et al., 1999).

На выборке из 630 предприятий в 59 странах (развитых и развивающихся), приватизированных с помощью публичного размещения акций, авторы проанализировали степень недооцененности активов при приватизации. В данном случае этот показатель можно рассчитать на базе изменения капитализации фирмы сразу после нее, с началом свободного обращения ее акций. Выяснилось, что при первичном размещении акций средний уровень недооценки составил 34,1% цены по условиям приватизации (медианный — 12,4%) из-за того, что государства систематически ограничивают круг возможных инвесторов, стремятся сохранить контроль над приватизируемым предприятием и нередко продают акции по фиксированной цене, а не на конкурсной основе. При этом причины такого поведения оказались различными, и авторы объединили их в рамках политических и экономических стимулов государства при осуществлении приватизации вне собственно рыночных механизмов.

Как замечают Джонс с соавторами, недооценка активов встречается и при размещении на бирже частных компаний, но в случае приватизации имеются собственные причины такой недооценки. Более того, Дж. Меггинсон и Дж. Неттер отметили, что в ряде случаев наблюдалась в среднем бóльшая недооценка при приватизации, чем при размещении на бирже частных предприятий (Megginson, Netter, 2001).

Проблема легитимности бизнеса, то есть признания его позиций в обществе, существует и в развитых странах. Так, ситуация в Великобритании рассмотрена в работе М. Морана (Moran, 2001). Тем не менее российский случай особый. Низкая стоимость приобретения крупных активов при приватизации сопровождалась большими издержками удержания контроля в борьбе с другими претендентами. Но при успехе новые собственники получали огромные приватизационные выигрыши, благодаря чему возникло рекордное число миллиардеров в столь короткий период, причем эти выигрыши, как правило, означали потери государства, переживавшего весь этот период (до нефтяной ренты 2000-х годов) тяжелый бюджетный кризис. Практически вся система частной собственности в стране появилась благодаря «первородному греху» (Frye, 2006). Для становления системы защиты прав собственности крайне важно решить проблему ее легитимации. Ситуация усугубляется высоким уровнем социально-экономического неравенства и тесной связью элиты с процессом и результатами приватизации.

Легитимация частной собственности

Закрепление в сознании людей уважения к правам собственности не менее важно для их защиты, чем наличие эффективной правоохранительной и судебной системы. Создание соответствующих устойчивых неформальных норм может не только дополнить, но и отчасти заменить деятельность органов правопорядка, а значит, сэкономить затраты общества. Но это сложный и длительный процесс, а Россия сейчас находится не в лучшей стартовой точке: не так уж много време-

ни прошло после приватизации, весьма неоднозначной с точки зрения как результатов, так и процедур.

Несмотря на 25-летний опыт рыночной экономики, сохраняется возможность, что при а) формировании политической силы антирыночной направленности и б) соблюдении принципов и процедур демократии начала рынка и частной собственности в России будут кардинально пересмотрены. Сохранение таких настроений и угроза их материализации в реальные политические преобразования в значительной мере зависят от двух характеристик общества: уровня неравенства и состояния и деятельности элит.

Идея уважительного отношения к собственности в России уже давно перестала быть проблемой «специфики общинного русского народа». Российский средний класс соблюдает права собственности по всему миру, но криминал, рэкетирские и коррупционные подрывы их устойчивости дома. Поэтому для пропаганды «священной собственности» недостаточно объявить о ее защите. Придется защищать и частную собственность в судах против государственной.

Соблюдение прав собственности, прежде всего уважение к частной собственности и отстаивание прав частного собственника, всеми органами государственной власти — неперемное условие легитимации частной собственности. Постоянный передел собственности при попустительстве со стороны государства не может способствовать формированию уважения к частной собственности у граждан страны.

Важнейшей причиной негативного отношения к приватизации 1990-х годов и частной собственности стало не столько сложившееся распределение прав на нее, сколько сомнительность, нечестность правил, по которым оно шло (или отсутствие этих правил вообще) (Капелюшников, 2009). Но идеи о том, что следует избавиться хотя бы от «наследственности приватизации», распространены не только в широких слоях населения, но и среди политической, финансовой и интеллектуальной элиты России. Действительно, приватизация 1990-х годов — это не реформы Петра Великого и даже не Октябрьская революция. Еще живы фигуранты приватизационных сделок (хотя не все), работают приватизированные предприятия, полученные за них (при перепродажах) средства реинвестированы, может быть, их можно, по крайней мере, оценить с точки зрения эффективного использования.

Идеи «реванша» или — в другой интерпретации — «покаяния» за приватизацию разнообразны. Один из вариантов в том, чтобы бизнес принял на себя социальные обязательства добровольно. Такую возможность при относительно позитивном отношении бизнеса рассмотрел, в частности, Т. Фрай (Frue, 2006). Но, во-первых, «добровольность» под скрытой угрозой государственного или «народного» принуждения выглядит сомнительной. Во-вторых, характер и способ постановки задач в данном случае трудно понять. С одной стороны, их должно формулировать государство, действующее в качестве агента обделенных при приватизации граждан. Но тогда речь фактически может идти о переходе частной собственности (хотя бы частично) в государственное управление (для решения конкретных задач) в обмен на гарантии безопасности и сохранности имущества предпринимателя-приватиза-

тора. Ни о справедливости, ни о легитимности при этом говорить не приходится. Справедливость отсутствует, потому что крайне сложно установить для каждого предпринимателя государственные задачи, которые по своему масштабу соответствовали бы степени его «вины» 20-летней давности. Если он будет сам выбирать себе задачи, то свою нагрузку минимизирует. Легитимность в этом случае тоже не гарантирована, потому что решение данной задачи не означает возмещения ущерба конкретным людям, а выписанная государством индульгенция вряд ли повлияет на отношение граждан к этому человеку. И это сразу приходит в конфликт с идеями амнистии вывезенных капиталов.

Традиционным элементом коммунистической программы выступает ренационализация активов, по крайней мере в добывающих отраслях. Отчасти это представляется обоснованным, поскольку богатства недр при отсутствии прочих правил интуитивно должны принадлежать населению соответствующей территории. Но, во-первых, новый передел собственности, тем более в такой важной сфере, вновь ухудшит инвестиционный климат, а также заставит многих задуматься о том, почему бы не ренационализировать и все остальное. Во-вторых, ренационализация природных ресурсов фактически и так происходит в России (но на платной основе, хотя и не всегда). В-третьих, неясно, что делать с национализированным имуществом: его продажа иностранцам может противоречить стратегическим целям; продажа обратно в те же руки (но по более высокой, «справедливой» цене) эквивалентна пресловутому налогу, но с огромными издержками. Сохранение активов в руках государства сомнительно с точки зрения эффективности. В любом случае их перевод в госсобственность скорее всего приведет к приостановке инвестиционных проектов, падению эффективности, росту инвестиций в спорные по эффективности мегапроекты и, напротив, их снижению в эффективные проекты.

Весьма популярна идея компенсационного налога, озвученная в разное время Г. Явлинским, М. Делягиным, М. Ходорковским и рядом других политиков и экономистов разных направлений¹¹. Но сложно согласовать размеры, налогооблагаемую базу, круг плательщиков такого налога, даже если сама идея получит поддержку в обществе. Кроме того, его надо было бы брать с первичных собственников-приватизаторов до 1998 г., то есть до перепродаж приватизированного имущества и извлечения приватизационных выигрышей. Дискриминация частной собственности путем взимания произвольно установленного налога с произвольно установленного круга лиц приведет к ликвидации части бизнеса (возможно, «честных приобретателей») и конфликту со всем миром (включая бесконечные тяжбы в зарубежных судах).

Существует еще ряд предложений по легитимации российской приватизации, но все они имеют подобные непреодолимые недостатки¹². Главный из них: нет никаких гарантий изменения общественно-

¹¹ http://ria.ru/vybor2012_putin/20120302/583731927.html#13601863200803&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration; Явлинский Г. Отделить власть от собственности // Ведомости. 2012. 2 апреля; Делягин М. Компенсационный налог — единственная альтернатива гражданской войне. <http://izvestia.ru/news/542616>; Капелюшников, 2009.

¹² О систематизации методов легитимации собственности и анализе их недостатков см. в: Добреньков, Исправникова, 2013.

го отношения к приватизации 1990-х годов и ее бенефициарам при любых формах компенсации (Капелюшников, 2009). Вывод простой: не существует способа легитимации крупной частной собственности в глазах населения в пределах обозримого будущего (скажем, 10 лет). Проблему решат только время и постепенное увеличение капиталов «нового» происхождения.

Проблема неравенства

Серьезным препятствием на пути создания новых неформальных институтов, новых ценностей, позволяющих легитимировать крупную частную собственность, выступает высокий уровень неравенства в России. В конечном счете к концу 2000-х годов, когда Россия вышла по уровню ВВП на показатели РСФСР, оказалось, что лишь 20% населения «успешно участвуют» в «повышении благосостояния, ставшем возможным вследствие создания рыночной экономики», тогда как третий квинтиль («средние» 20%) только вышел на уровень 1990 г., а 40% населения «получают меньше, чем до начала реформ» (Андрущак и др., 2011). Заметим, что эти 20% — совсем не верхний квинтиль позднего советского общества (особенно интеллигенция), который поддержал рыночные и демократические реформы рубежа 1980–1990-х годов. Теперь это сложный «состав» из старой номенклатуры (захватившей часть активов), различных «теневых фигур» (вплоть до представителей преступного мира), коррумпированных чиновников и новых предпринимателей.

Как показано в эмпирическом исследовании С. Гуриева и Е. Журавской, неравенство оказывает значимое негативное влияние на уровень удовлетворенности жизнью в странах с переходной экономикой (Guriev, Zhuravskaya, 2009). Это принципиально отличает их от других стран, в которых связь между неравенством и удовлетворенностью жизнью положительная, что объясняется «эффектом туннеля»: примеры благополучия демонстрируют людям возможность добиться успеха и дают им надежду на лучшее. Но данный эффект будет работать, если люди видят связь между собственными усилиями и личным благосостоянием. Если в странах с переходной экономикой наблюдается обратная ситуация, то неравенство расценивается как необоснованное, что ставит под сомнение легитимность существующей экономической системы. Следовательно, чем выше неравенство, тем больше риски нелегитимности прав частной собственности, лежащих в основе этой системы.

«Необоснованное» неравенство в уровне доходов и богатства выступает дестабилизирующим фактором в отношении прав собственности. Люди, наблюдающие такое неравенство «снизу вверх», будут спокойно относиться к переделу прав собственности, если им самим терять, в общем, нечего. Важно, что это неравенство возникло в исключительно сжатые сроки, развело по разные стороны социальной лестницы буквально «соседей и сослуживцев», тут не было англосаксонского эффекта (вертикального лифта) личных творческих усилий. У «проигравших» появляются стимулы к сознательному поощрению такого

передела: собственные риски существенно меньше ожидаемых выгод от участия в нем. Стимулы к вложению сил и времени в собственное развитие весьма слабые, поскольку, как показал опыт, распределение доходов и богатства зависят не от этого (если, конечно, человек не эмигрирует). В новой структуре распределения собственности и доходов, естественно, нет таких лифтов, как во время разовой упрощенной приватизации. Важным негативным последствием этого стала особенность прошедшей четверти века: новые крупные собственники сознают недостаточную легитимность своих приобретений и вынуждены выводить капиталы и одновременно искать защиту в государственных органах или «самостоятельно».

Либеральные представления о неравенстве как движущей силе человеческой активности справедливы в определенных социальных и исторических условиях и на значительных периодах. Они, безусловно, верны в рамках англосаксонской модели (права собственности и поведения), в которой вертикальные лифты работают, барьеры и издержки карьеры можно преодолеть трудом и талантом в течение отдельной жизни или на протяжении нескольких поколений.

Ограничения в работе вертикальных лифтов, касты и кланы, коррупция и чрезмерное налогообложение, нарушение контрактов и обещаний препятствуют развитию этого типа. Пребывание на каждой социальной ступени затягивается, тормозится институтами и «несправедливостью». Это подталкивает «имущих» к запретам, контролю и репрессиям против «нарушителей спокойствия». Высокое неравенство при низком ВВП и неработающих вертикальных лифтах, кланах и репрессиях характерно для стран Латинской Америки периода 1960–1980-х годов с низкими темпами экономического роста, неразвитым средним классом, популизмом, переворотами и диктаторами.

Различие между Россией и латиноамериканским обществом, конечно, существует уже потому, что неравенство в России — не традиционное, а внезапно возникшее (по крайней мере, на памяти ныне живущих поколений). Но с учетом эгалитарных традиций (даже при квазиэгалитарной практике) это не слишком улучшает перспективы. Разумеется, появление новых общественных фигур в сфере экономики и финансов после социалистических лидеров существенно изменило жизнь, но не дало новым фигурам легитимности и не гарантировало уважения к их состояниям. Новая социальная структура оказалась привязанной к спонтанной приватизации.

При более плоском распределении доходов или мощных перераспределительных механизмах возникает континентальная модель распределения доходов и богатства. Она предполагает умеренные возможности индивидуальной карьеры в обмен на высокие социальные гарантии до пенсии. Но для нее не было ни стратегии, ни, вероятно, практических условий — история прошла мимо этого варианта.

Ограничения в работе вертикальных лифтов в сегодняшней России оставляют выбор: принять «правила игры», сопротивляться (бунтовать) или просто эмигрировать в более развитые страны. Это и наблюдается в стране, в которой после периода «открытого поля» для захвата в 1990-е годы сформировались касты, широко распростра-

нилась коррупция, что привело к приостановке действия вертикальных лифтов и на среднем уровне по размеру активов, которые можно создать честным предпринимательством.

Выход из создавшейся ситуации для части представителей креативного класса¹³ оказался простым: эмиграция на территории англосаксонского или континентального рыночного хозяйства (теперь и в Азию). Борьба за свои права и ожидание подъема и справедливости в системе «латиноамериканского типа» слишком опасны индивидуально и требуют слишком много времени. Несколько явлений социальной системы России нельзя объяснить рационально с позиций какой-либо сложившейся мировой модели, что указывает на ошибки в дизайне трансформации и/или в его реализации:

- избыток миллионеров при обедневших учителях;
- препятствия для социального роста порядочного человека (так называемый «отрицательный отбор» в элиту);
- огромное коттеджное строительство при низком качестве массового жилья и дорог общего пользования;
- отсутствие массового владения акциями национальных предприятий;
- демонстративное потребление как признак успеха, прославление быстрого обогащения при игнорировании морали (преимущественно христианской) среднего класса;
- слабая поддержка (в частности, в рамках демографической политики) городского образованного населения.

За 25 лет трансформации институциональная ловушка захлопнулась: Россия находится в состоянии высокого неравенства с плохо работающими социальными (вертикальными) лифтами, а элиты боятся конкуренции снизу и не содействуют улучшению их функционирования. Теоретически выход из этой ситуации способна обеспечить гибридная политика, но ее трудно реализовать: удерживать минимально допустимую степень «справедливости» для части населения и одновременно снимать барьеры для активности граждан, демонстрируя возможности успеха в бизнесе в течение жизни. При максимизации социальной справедливости, то есть политики выравнивания (или популизма), тормозится рост и отключаются лифты для активной части населения; при пренебрежении «справедливостью» усиливается давление слева. Элита могла бы выбрать более открытый (англосаксонский) подход: предложить неравномерность как условие роста. Но чрезмерное неравенство и коррупция исключают доверие к этому варианту, тем более что он предполагает работу вертикальных социальных лифтов.

В стране формируются четыре образа жизни, которые можно в определенной мере институционализировать и упорядочить для формирования приемлемой социальной структуры, не порождающей излишнюю напряженность и способствующей общественному консенсусу,

---

¹³ Мы включаем в него интеллигенцию и национальный средний и крупный бизнес (производственный и консалтинг), поскольку их активность в сфере науки, культуры и бизнеса основана на креативной деятельности, связанной с риском и прибылью (в отличие от рентаориентированного поведения) и ведущей к инновациям в стране.

в частности по вопросам собственности. Эту цель можно представить следующим образом (см.: Григорьев, 2013):

- высший класс сохраняется, но заметно снижает демонстративность потребления и готов выполнять общие законы «как все»;
- для среднего и верхнего среднего класса формируются вертикальные социальные лифты;
- для нижнего среднего класса и национального рабочего класса обеспечивается умеренный и предсказуемый доход;
- происходит нормализация (языковая интеграция) образа жизни гастарбайтеров с учетом их национальных и религиозных особенностей.

В связи с этим перед государственной политикой можно поставить следующие задачи:

- создать стимулы для среднего класса и для бедных к повышению материального благосостояния за счет созидательной деятельности, без участия в переделе собственности;
- обеспечить малому бизнесу уверенность в завтрашнем дне;
- поддерживать перераспределительные процессы в пользу бедных слоев за счет ренты, а не среднего (креативного) класса;
- включить высший средний класс и развитые регионы в конкуренцию за позиции в мировой элите;
- повысить устойчивость рабочих мест среднего слоя среднего класса, расширяя эту социальную группу;
- поддерживать внутрисемейную передачу этических норм и образования интеллигенции (именно в этой среде формируются необходимые неформальные нормы уважения к собственности);
- обеспечить среднему классу собственность на жилье;
- расширить устойчивый средний класс (со сбережениями) к 2030 г. с 25 до 35–40% населения;
- создать массовое владение финансовыми активами средним и высшим (25% населения) средним классом, включая акции крупных национальных предприятий (от 1–2% акционеров хотя бы до 15%).

Способность элит вырабатывать решения

Источником ключевых решений, влияющих как на модернизацию правоохранительной и судебной системы, так и на изменение неформальных институтов, должны стать российские элиты. Это касается и отказа от дальнейшего передела собственности, и выработки политики по преодолению чрезмерного неравенства, в том числе через самоограничение. Но готовы ли они принять и проводить в жизнь долгосрочные решения такого рода?

Теория исходит из того, что правящая элита озабочена не только своими позитивными программами (если они есть), но и особенно сохранением своего положения. Никакой другой слой общества не нуждается так в своей легитимации (внутренней и внешней), чтобы не возник перерыв в его воспроизводстве. Для сравнительно новой политической и финансовой элиты важны опора на образованные слои общества и признание внешних элит.

Естественно, чем сильнее единство элит страны, тем выше их общая устойчивость. Собственно, консенсус элит в устойчивых обществах относится к базисным правилам «подоплеки» демократии, хотя он не охватывает весь круг национальных проблем, которые остаются предметом политической конкуренции.

Как отмечает С. Радниц, в некоторых постсоветских странах (Белоруссия, Казахстан, Азербайджан) дизайн приватизации был таков, что ресурсы остались в руках одной элитной группы, что обеспечило ее устойчивость. В других случаях (Грузия, Украина, Киргизия) особенности приватизации создали почву для раскола элит (Radnitz, 2010).

В российских условиях трудно было бы ожидать единства элит на таком крутом переломе. Есть по меньшей мере три традиционные влиятельные элиты, сохранившиеся со времен СССР: военная, спецслужбы и церковная, которые заинтересованы в «оборонительной» концепции существования России в мире с соответствующими распределительными бюджетными отношениями.

Еще одной силой, вмешавшейся в борьбу, стала новая частная финансовая олигархия, собственность которой и оказалась во многом нелегитимной в глазах большинства населения, особенно в части старых советских активов. Она открыто предъявила претензии на политическую власть, но не смогла обеспечить ни устойчивую демократию, ни внутреннюю безопасность, ни экономический рост.

Политической элите в борьбе за власть нужны были компромисс, сращивание или контроль над финансовой элитой. Практически это оказалось крайне сложно именно из-за офшорной системы владения собственностью внутри финансовых групп. После подчинения региональных элит, укрепления государственного сектора борьба свелась к установлению контроля за ограниченным числом крупных экспортеров. Хотя этот процесс не закончен, Россия — единственная страна, которая сделала шаг назад (отчасти изначально не продвинувшись вперед) в развитии частной собственности: не создала массового акционера, не сформировала широко распространенный средний и малый бизнес, а также вернула часть компаний в госсектор, ужесточила бюрократический контроль над экономической жизнью. Это и можно назвать укреплением политико-бюрократической элиты за счет частной финансовой. Единой правящей элиты — политико-финансовой — в стране не сложилось.

Баланс сил в экономике в последнее десятилетие смещается в сторону бюрократии и властной элиты. В условиях падения цен на нефть, экономического спада, санкций внешнее давление обеспечивает сплочение элит, но цели развития и способы обеспечения долгосрочной устойчивости вызывают дискуссии.

Финансовая элита в России не имеет полной независимости сразу по трем причинам: нелегитимные корни (по мнению многих граждан) происхождения капиталов; зависимость текущего бизнеса от государства; ненадежность поддержки на Западе. Истории с Кипром и санкциями указывают на то, что в любой момент западная политическая элита может покуситься на «русские деньги», которые она, похоже, тоже считает не вполне легитимными, полученными в виде нефтяной ренты.

В результате в правящей элите отсутствует единство — не случайно у страны нет долгосрочной стратегии (скажем, до 2050 г.). Вопрос в том, насколько представители элиты согласны в фундаментальных вопросах и в какой степени и какими методами конкурируют за власть, усиление своего влияния, обеспечение устойчивости положения. Отметим необходимость компромисса по многим вопросам между элитами и креативным классом. Это, разумеется, не старомодный «общественный договор» общества и государства, а компромиссный «общественный створ» со множеством групп на определенный период с целью решить насущные проблемы между основными группами интересов, от которых зависит успех модернизации страны (Григорьев и др., 2008).

Вопрос «что делать» не имеет простых ответов. Конечно, требуется консенсус элит «как основание либеральной демократии». В идеальном случае правящая элита и окрепшее гражданское общество должны совместно «закрыть» эпоху трансформации. Применительно к рассматриваемой проблеме это предполагает фиксацию прав собственности и правил поведения на длительный период. Причем начинать надо с самой верхушки финансовой и политической элиты. Это ее представители должны давать пример моральных стандартов, служения стране и отказа от коррупции. Но доверия мало — необходим контроль общества над элитами, в частности через СМИ (Григорьев, 2012).

Нужны три компромисса: между кланами правящей элиты (политическая и финансовая), элитой и креативным классом, элитами российскими и мировыми по ключевым вопросам, в том числе по проблеме легитимации прав собственности. Для формирования стабильной системы хорошо защищенных прав собственности важны меры по двум направлениям: создание правового государства де-факто, то есть обеспечение верховенства права; возникновение в обществе устойчивого уважения к правам частной собственности.

Современный путь к легитимации прав частной собственности

Легитимация крупной частной собственности в глазах российского общества требует соблюдения нескольких принципов поведения государства и самих крупных частных собственников. Эти принципы означают не конкретные меры по легитимации собственности, а ограничения, которые не позволят усугубиться проблеме.

Во-первых, проводить дискреционные меры в целях «компенсации» за приватизацию, такие как компенсационный налог, частичная национализация, реприватизация и т. д., бессмысленно и вредно. Даже дискуссии о таких мерах подрывают легитимность частной собственности и ускоряют бегство капиталов.

Во-вторых, необходимо пресекать попытки неправового передела собственности. Если «нечестная игра», характерная для периода приватизации 1990-х годов, будет продолжаться, пусть и под другими лозунгами, то неопределенность в сфере прав собственности сохранится надолго и уважения к этим уязвимым «правам» не возникнет.

В-третьих, надо снизить уровень общественного недовольства распределением собственности и предотвратить попытки ее нового передела. Ключевое направление — политика сокращения социально-экономического неравенства. Ее можно реализовывать за счет добровольного самоограничения богатейших слоев, их инвестиций в социально значимые блага, а также перераспределительной политики, направленной на развитие среднего класса и формирование массовой акционерной собственности. Разумеется, здесь важны экономический рост и повышение благосостояния.

В-четвертых, необходимо признать, что быстрая легитимация крупной частной собственности невозможна, надо отказаться от радикальных шагов в этой сфере и сделать упор на долгосрочную программу закрепления стабильных прав собственности и расширение владения ею гражданами. Защиты жилищной собственности недостаточно. Требуются развитие судебных механизмов защиты прав собственности, развитие малого и среднего бизнеса как массовой основы для уважения к частной собственности, обеспечение защиты интеллектуальной собственности.

Для реализации всех указанных направлений нужен устойчивый консенсус политической, финансовой и интеллектуальной элит относительно системы прав собственности в России. Впоследствии идеи этого консенсуса должны постепенно распространиться на общество в целом. Проблемы такого рода возникают быстро, но решаются долго и в другие исторические периоды.

Список литературы / References

- Андрущак Г. и др. (2011). Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: Доклад к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: Издат. дом ВШЭ. [Androushchak G. et al. (2011). *Living standards and patterns of the Russian population in 1989–2009*. Report to the XII International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Григорьев Л. (2005). Приватизация как явление 1990-х // Отечественные записки. № 1. С. 144–152. [Grigoryev L. (2005). Privatization as a phenomenon of the 1990s. *Otechestvennye Zapiski*, No. 1, pp. 144–152. (In Russian).]
- Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. (2008). Послекризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. № 4. С. 25–43. [Grigoryev L., Plaksin S., Salikhov M. (2008). Post-crisis structure of economy and organization of coalitions for innovations. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 25–43. (In Russian).]
- Григорьев Л. (2010). Программы приватизации 1990-х годов // Григорьев Л. Экономика переходных процессов. М.: Издат. дом Международного университета в Москве. Т. 1. С. 479–523. [Grigoryev L. (2010). Privatization programs of the 1990s. In: Grigoryev L. *Economics of transition processes*. Moscow: International University in Moscow Publ. Vol. 1, pp. 479–523. (In Russian).]
- Григорьев Л. (2012). Спрос элит на право: «эффект трамвая» // Вопросы экономики. № 6. С. 33–47. [Grigoryev L. (2012). The demand for law on the part of elites: “The effect of the tram”. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 33–47. (In Russian).]
- Григорьев Л. (2013). Сценарии развития и экономические институты // Экономическая политика. № 3. С. 33–60. [Grigoryev L. (2013). Scenarios of development and economic institutions. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 3, pp. 33–60. (In Russian).]

- Добренков В., Исправникова Н. (2013). Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 3. С. 26–55. [Dobrenkov V., Ispravnikova N. (2013). The Russian version of “crony capitalism”: Is there a way out of the impasse? *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*, No. 3, pp. 26–55. (In Russian).]
- Дуткевич П., Саква Р., Куликов В. (сост.) (2015). Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. М.: Издательство Московского университета. [Dutkevich P., Sakva R., Kulikov V. (eds.). (2015). *The social history of post-communist Russia*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian).]
- Капелюшников Р. (2009). Собственность без легитимности? // Права собственности, приватизация и национализация в России / Под общ. ред. В. Тамбовцева. М.: Новое литературное обозрение. С. 331–384. [Kapeliushnikov R. (2009). Ownership without legitimacy? In: V. Tambovtsev (ed.). *Property rights, privatization and nationalization in Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, pp. 331–384. (In Russian).]
- Кобрин В. (1989). Иван Грозный. М.: Московский рабочий. [Kobrin V. (1989). *Ivan the Terrible*. Moscow: Moskovskiy Rabochiy. (In Russian).]
- Левада-Центр (2014). Общественное мнение – 2013. М.: Аналитический центр Юрия Левады. [Levada-Center (2014). *Public opinion – 2013*. Moscow: Yury Levada Analytical Center. (In Russian).]
- Левада-Центр (2015). Общественное мнение – 2014. М.: Аналитический центр Юрия Левады. [Levada-Center (2015). *Public opinion – 2014*. Moscow: Yury Levada Analytical Center. (In Russian).]
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Радыгин А., Энтов Р. и др. (2001). Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов. Москва. [Radygin A., Entov R. et al. (2001). *Transformation of ownership relations and comparative analysis of Russian regions*. Moscow. (In Russian).]
- Тамбовцев В. (ред.) (2009). Права собственности, приватизация и национализация в России. М.: Новое литературное обозрение. [Tambovtsev V. (ed.) (2009). *Property rights, privatization, and nationalization in Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie. (In Russian).]
- Biais V., Perotti E. (2002). Machiavellian privatization. *The American Economic Review*, Vol. 92, No. 1, pp. 240–258.
- Black B., Kraakman R., Tarassova A. (2000). Russian privatization and corporate governance: What went wrong? *Stanford Law Review*, Vol. 52, No. 6, pp. 1731–1801.
- Blanchard O., Aghion P. (1996). On insider privatization. *European Economic Review*, Vol. 40, No. 3–5, pp. 759–766.
- Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. (2009). Who wants to revise privatization? The complementarity of market skills and institutions? *American Political Science Review*, Vol. 103, No. 2, pp. 284–304.
- Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. (2012). Everyone hates privatization, but why? Survey evidence from 28 post-communist countries. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 40, No. 1, pp. 44–61.
- Dower P., Markevich A. (2014). A history of resistance to privatization in Russia. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 42, No. 4, pp. 855–873.
- Frye T. (2006). Original sin, good works, and property rights in Russia. *World Politics*, Vol. 58, No. 4, pp. 479–504.
- Graham C. (2003). Methods of privatization. In: D. Parker, D. Saal (eds.). *International Handbook on Privatization*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 87–101.
- Grigoryev L., Kurdin A. (2013). Property and law. *Russia in Global Affairs*, Vol. 11, No. 4, pp. 44–57.
- Guriev S., Zhuravskaya E. (2009). (Un)Happiness in transition. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 23, No. 2, pp. 143–168.

- Hoff K., Stiglitz J. (2004). After the big bang? Obstacles to the emergence of the rule of law in post-communist societies. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 3, pp. 753–763.
- Hoff K., Stiglitz J. (2005). The creation of the rule of law and the legitimacy of property rights: The political and economic consequences of a corrupt privatization. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. 3779.
- Hoff K., Stiglitz J. (2008). Exiting a lawless state. *Economic Journal*, Vol. 118, No. 531, pp. 1474–1497.
- Jones S., Megginson W., Nash R., Netter J. (1999). Share issue privatizations as financial means to political and economic ends. *Journal of Financial Economics*, Vol. 53, No. 2, pp. 217–253.
- Kaltenthaler K., Ceccoli S., Michta A. (2006). Explaining individual-level support for privatization in European post-Soviet economies. *European Journal of Political Research*, Vol. 45, pp. 1–29.
- Kuznetsov A., Kuznetsova O. (2012). Business legitimacy and the margins of corporate social responsibility in the Russian context. *International Studies of Management & Organization*, Vol. 42, No. 3, pp. 35–48.
- La Porta R., Lopez-de Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (2002). Investor protection and corporate valuation. *The Journal of Finance*, Vol. 57, No. 3, pp. 1147–1170.
- Megginson J., Netter J. (2001). From state to market: A survey of empirical studies on privatization. *Journal of Economic Literature*, Vol. 39, No. 2, pp. 321–389.
- Moran M. (2001). The lost legitimacy: Property, business power and the constitution. *Public Administration*, Vol. 79, No. 2, pp. 277–296.
- Parker D., Saal D. (eds.) (2003). *International handbook on privatization*. Edward Elgar.
- Radnitz S. (2010). The color of money: Privatization, economic dispersion, and the post-Soviet “revolutions”. *Comparative Politics*, Vol. 42, No. 2, pp. 127–146.
- Schwab K. (ed.) (2015). *The global competitiveness report 2015–2016*. Geneva: World Economic Forum.
- Sonin K. (2003). Why the rich may favor poor protection of property rights. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 31, No. 4, pp. 715–731.
-

Unresolved issue of private property legitimacy in Russia

Leonid Grigoryev^{1,*}, Alexander Kurdin^{1,2}

Authors affiliation: ¹ National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ² Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: lgrigor1@yandex.ru.

Private property exists in Russia for almost 25 years. However, the legitimacy of established property rights and the legitimacy of private property as an institution remain ambiguous. Despite the change of generations and the improvement of living standards, numerous opinion polls show that the majority of Russians refers negatively not only to the privatization of the 1990s and its results, but also to private property in general. Positive forecasts on the adaptation of people to new reality do not come true. The authors analyze the reasons and consequences of private property illegitimacy and compare alternative ways of its legitimating. The main conclusion is the uselessness of any discretionary state intervention in this long-lasting process, while the focus should be put on the mitigation of inequality and the enforcement of formal institutions without any exceptions or privileges.

Keywords: protection of property rights, private property, legitimacy.

JEL: P14, P26.